

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

**Лопь белоглазая. Из поездки
в полярный край**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Лопь белоглазая. Из поездки в полярный край / Немирович-Данченко Василий
Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 127 с.

ISBN 978-5-519-99048-6

ISBN 978-5-519-99048-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Кола на непривычнаго производить сильное впечатлѣніе. Губа расширяется. Вода покойно отражаетъ высокія горы, со всѣхъ сторонъ стѣснившія полярный городокъ. Сначала его и не замѣчаешь. Глазъ видитъ только красивыя вершины да голубое море. Потомъ уже выступаютъ небольшой островокъ съ церковкой и подножіе горы Соловараки. Оно образуется порожиистой рѣкою Колой, гремуче привѣтствующей васъ изъ своего далека, и Туломскимъ рукавомъ губы, широко синѣющимъ въ зеленыхъ рамкахъ пирамидальныхъ горъ. Въ этомъ небольшомъ пространствѣ разсыпаны по берегу гнилые рыбные сараи, скудныя избы и среди пустошей убогія хижины, ютящіяся гдѣ-то далеко, сливаясь съ сумерками мглистаго вечера. На берегу килемъ вверхъ чернѣетъ множество карбасовъ, нѣсколько еще недостроенныхъ шнякъ тутъ же поднимаютъ свои бѣлыя ребра. Крутая масса Соловараки, которую коляне хвастаются, какъ неаполитанцы своимъ Везувіемъ, грузно виситъ надъ городомъ; съ ея вершины подъ вами весь Кольскій заливъ, словно серебряная щель, соединяется съ безграничнымъ просторомъ океана. Позади горы за горами да свѣтлыя черточки запропавшихъ на горизонтѣ озеръ. Рѣка Кола извивается отсюда едва выступающей нитью... Но что

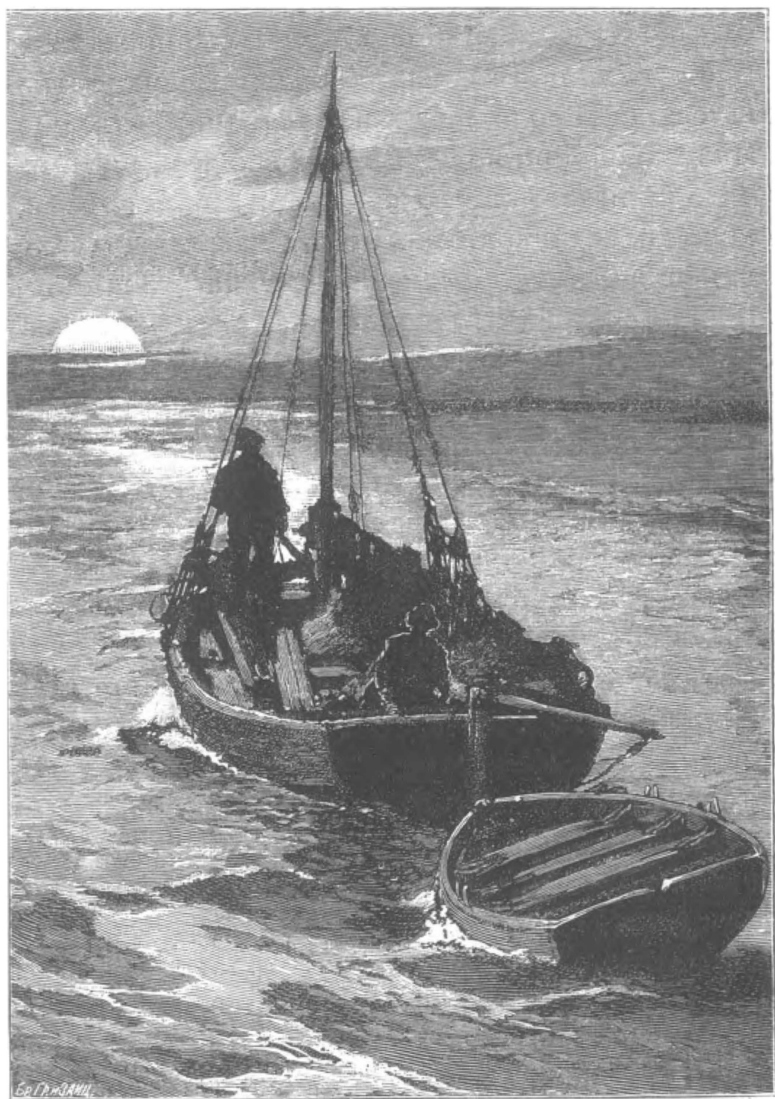
лучше этого морского воздуха, который отовсюду вѣетъ на васъ, пропитанный запахомъ водорослей, живительный и всеисцѣляющій! Климатъ Колы переменчивъ. Въ тихую лѣтнюю погоду термометръ показываетъ до 20° тепла, при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ падаетъ до 5°. Зимой морозы рѣдко выше 30°. Съ горъ въ это время поднимаются сильныя вьюги, Колу заноситъ снѣгами, такъ что изъ-подъ нихъ не видать и кровель. Начиная съ половины октября, зима продолжается до мая, когда вскрываются рѣки. Съ половины іюня по сентябрь — лѣто. Весною и осенью Кола отрѣзана отъ всего живого. Море недоступно; бури дѣлаютъ невозможнымъ передвиженіе по пустырямъ Лапландіи. Мѣсяца по три сидятъ горожане, отводя свою скуку смертную на незатѣйливыхъ посидѣлкахъ. Бываютъ даже балы съ гармоніей вмѣсто оркестра. Часто выходятъ припасы въ лавкахъ и коляне питаются только рыбою и хлѣбомъ. Въ мой пріѣздъ я не могъ здѣсь найти ни мяса, ни чаю, ни сахару. Зимой еще лопари привозятъ сюда оленину. Доктора не было, школа помещалась въ полуразрушенной избѣ. Въ городѣ не было ни одного портного и сапожника. Все заказывалось въ цвѣтушихъ городахъ Норвегіи — Вардо и Вадсе. Иногда случалось —

выйдутъ чернила и нельзя написать ни одной строки. Книги всё наперечетъ и зачитаны до лохмотьевъ... Особенность Колы, дѣйствительно бьющая въ глаза, — это ея женщины. Рослая, сильная, красивая, онѣ по образу жизни, привычкамъ и дѣятельности не отличаются отъ мужчинъ. Колянка не только бьетъ акулъ, она правитъ кораблемъ не хуже помора, ходитъ на шкунахъ и въ Норвегію, и въ Архангельскъ... Нужно видѣть ее во время шторма, безтрепетно командуя своимъ растерявшимся экипажемъ, на ловецкомъ карбасѣ въ бурю, управляющею рулемъ смѣлою и вѣрною рукой, чтобы понять, какая высокая нравственная сила создаетъ эту поразительную энергию, стойкость въ борьбѣ съ полярною природою. Въ поѣздку мою океаномъ изъ Войдо-Губы въ Вардо-Хузъ поднялась непогода. Нѣсколько встрѣченныхъ шкунъ, какъ тараканы, заползали въ береговыя щели отстаиваться отъ бури. Одно только судно дерзко рѣзало расходящіяся волны океана и плыло впередъ, управляемое колянкой, женою колониста Ф... И сама она стояла у мачты, словно каменная, только громче бури звучала кругомъ ея команда да концы платка, повязывавшаго ея голову, раскидывались по вѣтру во все стороны. Не такъ сдѣлалъ что-то матросъ — колянка подош-

ла, поправила; кормщикъ потерялся—и его смѣнила. Даже пассажирка-колянка не уйдетъ въ каюту во время непогоды. Она тутъ же съ матросами дѣлаетъ одно дѣло. Есть колянки, превосходно знающія морское дѣло. Преданія рассказываютъ о такихъ женщинахъ изъ этой среды, которыя во время оно хаживали и на Грумантъ, т. е. Шпицбергенъ, и не на пароходахъ или хорошихъ шкунахъ, а просто на ладьяхъ. И такихъ въ Колѣ не мало. Ни въ чемъ колянка не отстаетъ отъ мужа или брата. Зимой она также ходитъ на своеобразную охоту. Выкопавъ яму, она строитъ надъ нею шалашъ, засыпаетъ снѣгомъ его, оставляя небольшое отверстіе для ружейнаго дула. На всю ночь она садится сюда и ждетъ звѣря на приманку, которою служитъ какая-нибудь падаля. Сюда слетаются вороны, за ними крадутся лисицы. Одна колянка успѣла отъ трехъ волковъ отстояться, другая убила медвѣдя въ окрестныхъ горахъ, да и притащила шкуру его въ городъ. Рассказываютъ, что еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Колѣ жила красивая молодка, удерживавшая лодку съ берега въ то время, какъ два сильныхъ гребца силились выгребсти ее подальше. Во время весенняго промысла, когда по океану еще ходятъ льды, когда стужа проникаетъ до костей, когда руки, лица рыболововъ

покрываются льдомъ, а платье коробится отъ холоду,—колянка лучше мужчинъ выносить это и пѣсни ихъ въ тяжелое время мурманской страды такъ же задорны и веселы, какъ и въ обычную пору промысловаго приволья. Женщины здѣсь вѣрны старому новгородскому костюму, сдѣлана была когда-то только одна уступка духу времени, и то ради кринолиновъ. Но такъ какъ этого аксесуара женскаго костюма здѣсь нѣтъ, то изобрѣтательныя полярныя модницы просто надѣвали подъ платье пропасть оленьихъ шкуръ. Поэтому въ праздничные дни онѣ были похожи издали на движущіяся вавилонскія башни. Есть въ Колѣ нѣсколько пожилыхъ женщинъ, до того усвоившихъ себѣ мужскія привычки, что на работу онѣ одѣваютъ даже мужское платье. Этихъ амазонокъ мѣстные остряки называютъ «размужичьемъ». Подъ старость колянки необычайно жирѣютъ. Въ эту пору своими размѣрами онѣ могутъ привести васъ въ крайнее изумленіе. Жена одного богача кольскаго можетъ только приподняться съ мѣста и сдѣлать два-три шага, не больше...

Кола живетъ удачными промыслами и торговлею съ Лапландіею, Норвегіей и Архангельскомъ. Коляне сумѣли сдѣлать лопарей батраками и захватили наилучшія промысловыя

угодья. Въ становищахъ Мурмана коляне проводятъ все лѣто. Губы и бухты, гдѣ они ловятъ рыбу, отличаются замѣчательною дикостью и красотою. Грузныя и тяжелыя массы гранита отвѣсно обрушиваются въ гнѣвно ревущее море. Издали незамѣтны узкія щели во внутренніе заливы, куда волненіе океана доходитъ только мелкою зыбью. На берегу жалкія избушки и амбары. Часто нѣтъ и тѣхъ, стоятъ лишь печи и кольскія артели все лѣто проводятъ подъ открытымъ небомъ, равнодушно встрѣчая и ведро и ненастье. Сотни судовъ бороздятъ воды, звонкія пѣсни стоятъ надъ ними, и на всю эту кипучую промысловую жизнь молчаливо смотрятъ каменные великаны, ставшіе на стражѣ лопской земли противу вьюгъ и морозовъ дальняго полюса; группы крестовъ на скалахъ отмѣчаютъ могилы погибшихъ промышленниковъ; по многочисленности ихъ можно судить о суровости промысла. Правительство командируетъ туда врачей на лѣто. Они хорошо изучили Мурманъ; изъ ихъ наблюденій видно, что тифъ и цынга губятъ рыболововъ десятками, иногда и сотнями. Тогда среди величаваго полярнаго пейзажа разыгрываются неизбежныя мрачныя сцены. Вотъ, на примѣръ, картина тифа: въ становищѣ уже появились больные. Если-бы народъ не уставалъ такъ

паника была бы общая. Кто еще может—перемогается, ходить по жилью, лѣпится по скаламъ, плаваетъ на промыселъ, да только черезъ силу. Позеленѣвшія лица съ черными подтеками, воспаленно-сверкающіе глаза несчастныхъ выдають ихъ внутреннее состояніе. Лесы и уды падаютъ изъ рукъ и въ изнеможеніи, наконецъ, опускаются больные на кучи лохмотьевъ, теряя память и напрасно призывая въ глуши мурманскаго захолустья дорогихъ и милыхъ людей... Напрасно! Придетъ смерть, и только она одна заглянетъ къ нимъ въ очи. Придетъ смерть, и только одна она станетъ у ихъ изголовья. Ничей ласкающій голосъ не прозвучитъ надъ этимъ зараженнымъ ложемъ, родимая рука не прильнетъ къ пылающему лбу страдальца... И счастливъ онъ, если въ забытіи видитъ кругомъ не эти суровыя, на работѣ окостенѣвшія лица, не эти черныя стѣны убогой избы, а родное поле, пестрѣющее цвѣтами скудной полярной флоры; если вмѣсто безшабашной пѣсни ему слышатся въ бреду знакомые ласковые голоса, веселые крики дѣтей, ихъ робкій хохотъ. И кажется ему, что въ эти минуты прижимаетъ онъ бѣлесоватую головенку съ веселыми глазками, что рука его мягко и ласково гладитъ баловника-сынишку. Другое дѣло цынга. Умиравшему ею нѣтъ за-

быть; онъ живой трупъ между людьми; онъ знаетъ, что ему нѣтъ спасенія, нѣтъ пощады. Его сторонятся, его обходятъ. Онъ опасенъ— въ немъ зараза. На его нару никто не придетъ. Будь мѣсто, всѣ бы ушли отъ него, какъ отъ чумного. Его смерть безъ грезъ. Въ тифѣ воспоминанія становятся дѣйствительностію, умирающій въ галлюцинаціяхъ окруженъ любимую семью. Здѣсь воспоминанія дѣлаются ужасомъ, мукою. На кого онъ оставляетъ семью, ничего не вѣдающую въ своемъ далекомъ захолустьи? Холодомъ обдаетъ его. Отъ тоски не хватаетъ воздуха для груди; какъ помѣшанный, онъ выбѣгаетъ вонъ, да развѣ и тамъ спасеніе?.. Вотъ толпа. Только-что слышались въ ней смѣхъ и шутки; теперь она, онѣмѣвъ, шарахнулась отъ него въ сторону. Люди рассыпались по избамъ, и онъ знаетъ, что они ушли отъ него. Куда же уйти и ему,—уйти отъ себя? Бѣжить онъ въ снѣга и скалы, уходитъ въ каменные щели и, лежа на холодномъ гранитѣ, опять-таки слышитъ, самъ слышитъ, какъ все у него внутри разлагается, какъ смерть медленно, но вѣрно наносить ему ударъ за ударомъ. Является ломота въ костяхъ, развивается чувство необычайной слабости, колѣни гнутся, больной едва дышитъ, голова не работаетъ, руки висятъ, какъ плети, хочется спать, а сонъ не приходитъ, и

это бодрствованіе еще усиливаетъ ужасъ положенія; наконецъ, лицо покрывается синевою, десны пухнутъ и становятся губчатыми, скоро опухаютъ ноги, въ сочлененіяхъ и вдоль спины чувствуется острая боль, конечности корчатся. Кровь часто идетъ изъ горла. Смерть уже видна, но, безпощадная, она ждетъ, словно палачъ, дошедшій до сладострастія въ убійствѣ. Мурманъ, Новая земля, Мезенское поморье, Шпицбергенъ, Гренландія, Лабрадоръ усѣяны могилами умершихъ такой страдальческою смертію... Подъ конецъ больной остается одинъ. Днемъ въ окно ему скупю свѣтитъ солнце; кто-нибудь ночью изъ состраданія зажжетъ ему фитиль съ ворванью. Только за дверями говоръ и смѣхъ, плескъ моря въ скалахъ, свистъ вѣтра, врывающагося въ ущелье; оттуда доносится къ нему пѣсня, и какъ онъ долженъ слушать ее! Такъ заживо схороненный внимаетъ, какъ надъ его могилой ходятъ и говорятъ люди, какъ поетъ мимоидущая дѣвушка, какъ плачутъ его жена и дѣти. Онъ радъ бы крикнуть имъ, онъ дѣлаетъ послѣднія усилія, но могила крѣпко держитъ его въ своихъ оковахъ...
